

СЕКРЕТАРЬ ТОЛСТОГО

лю то, что уже через год Виктор Лебрэн стоял перед воротами Яснополянского дома...

— Чтобы иметь возможность чаще навещать Учителя, — Виктор Анатольевич пишет и произносит это слово с большой буквы, — я поселился в нескольких верстах от Ясной Поляны, в деревне Овсянниково, в доме Марьи Александровны Шмит, избравшей, как и я, под влиянием учения Льва Николаевича, скромный образ жизни. Както в Ясную Поляну приехал какой-то профессор из Франции, ни слова не знавший по-русски. Я вызвался быть переводчиком.

— Как?! Вы, крестьянин, знаете французский?! — удивилась Софья Андреевна.

— Знаю, — сказал я. — Ведь это мой родной язык...

С этого дня графиня резко переменилась ко мне. А вскоре предложила мне переселиться к ним и стать секретарем Льва Николаевича.

Виктор Анатольевич рассказывает о книге, над которой работал в этот свой приезд в Советский Союз.

— Называется она так: «10 лет вблизи Л. Н. Толстого. Встречи и переписка». Выпустит ее Приокское книжное издательство в будущем году. Как видно из ее заглавия, большое место в книге займет моя переписка с Львом Николаевичем. Всего я послал ему сорок семь писем, он написал мне двадцать.

О Толстом я начал писать сразу же после его смерти в 1910 году. Сначала это были краткие воспоминания для русского журнала «Вегетарианское обозрение» — я жил в это время под Геленджиком. Позже, уже во Франции, я написал подробно об истории своего знакомства с Львом Николаевичем. Между прочим, семь издательств во Франции и три издательства в Англии отклонили мою рукопись с одним примерно ответом: «Нет надежды продать много экземпляров». Я глубоко благодарен сотрудникам Музея Л. Н. Толстого в Москве и Музея-усадьбы «Ясная Поляна» за содействие и помощь при моей работе над книгой. С волнением я перечитывал написанные более шестидесяти лет назад длинейшие юношеские послания, на которые Учитель столь обстоятельно и сердечно отвечал. Несмотря на разницу лет (пятьдесят два года!), мы хорошо понимали друг друга. Сохраненные в архиве писателя письма были для меня встречей с юностью, с незабываемой порой жиз-

ни вблизи Толстого. В благодарность за это самое дорогое — подлинники ответов Льва Николаевича я передал на хранение Музею Толстого в Москве.

Спрашиваю Виктора Анатольевича о том, какой он нашел Ясную Поляну после долгой разлуки.

— Впечатление потрясающее!.. В последний раз я был в Ясной в 1909 году. Вы и представить себе не можете, какой нищенской была жизнь крестьян в то время. Я помню, как однажды услышал сказанную одним мальчиком моему другу тифлисскому журналисту Илико Накашидзе, поговарившему Толстому в работе над «Хаджи-Муратом», почти готовую поговорку: «Мамка утерлась подолом, тятка — рукавом, а я так обсохну!» А теперь крестьянские дома — одно загляденье, один прелестнее другого. Крутом сады: яблони, вишни... Достижения громадные, увы, для тех, кто не знает прошлого, совсем незамеченные. Люди вашего поколения, глядя на все это, думают: «Так было всегда...» Нет, совсем не так!

Когда я увидел снова яснополянский дом, то был взволнован и тронут до глубины души тем, с какой любовью сохранено все так, как было при жизни Льва Николаевича, какая кругом чистота, все прибрано, все на своем месте... Только, конечно, деревья разрослись до неузнаваемости высь и шири.

Я жил там три дня. Обошел все: и дом, и парк, побывал у могилы... Преобладающее чувство — глубокая признательность Советскому правительству, всем, кто сохраняет Ясную Поляну. Толстой никогда и не предполагал, что будет такое паломничество в Ясную. Однажды он, просматривая журнал «Былое» с помещенными там портретами и жизнеописаниями революционных и политических деятелей России, сказал: «Смотрю я на них и думаю, что в сравнении с ними значить мой голос, этот комариный писк?» На самом же деле его могучий голос не умолкал и не умолкнет никогда! Я мог убедиться в этом сам: по тысяче человек посещает Ясную Поляну в будние дни, а в воскресенье — по восемь тысяч. И я подумал: «Вот одно из немногих пророчеств, где Учитель оказался неправ».

Л. КИМ.

У него смуглое лицо, какое бывает у человека, не прячущегося от солнца и, может, от этого совершенно белые, откинутые назад, легкие длинные волосы и такие же белые «казацкие» усы, добрые глаза. Во всем его облике есть что-то крестьянское: в простой одежде — недорогом пиджаке, рубашке с открытым воротом, туфлях на босу ногу, в простой, без стилистических ухищрений, русской речи, в крепком рукопожатии, когда ваша ладонь встречается с его твердой ладонью.

Да так оно и есть: всю свою долгую жизнь (ему пошел восемьдесят девять) Виктор Анатольевич Лебрэн крестьянствовал. Его кормила земля, которую он сам обрабатывал. Так было, когда он владел крошечным земельным наделом под Геленджиком (пяти лет от роду попал он в Россию с отцом, французским инженером-путейцем) и когда он в 1926 году переселился с семьей на свою родину, во Францию, где живет и по сей день, кормясь тем, что дают маленький участок и пчелы.

Не так уж много осталось на земном шаре людей, близко знавших Льва Толстого. В. А. Лебрэн — один из них. Об этом помнишь все время, пока длится беседа, стараешься не пропустить ни слова, хотя сам Виктор Анатольевич, словно не придавая особого значения тому, что подарила ему некогда судьба, охотнее говорит о своих впечатлениях от первого приезда в нашу страну по приглашению Союза писателей СССР два года назад и от теперешней встречи со своей второй родиной.

Как же все это началось?

...В 1899 году семнадцатилетний владивостокский гимназист под влиянием чтения запрещенных цензурой публицистических произведений Толстого написал Льву Николаевичу письмо, в котором спрашивал совета, как жить. Великий писатель, с присущим ему вниманием к каждой человеческой судьбе, ответил юноше ласково и участливо. Так завязалась переписка. Первым результатом ее бы-